

ЛИНВУД
БАРКЛИ

НЕ ОБЕЩАЙ НИЧЕГО

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б25

Серия «Детектив — самое лучшее»

Linwood Barclay
BROKEN PROMISE

Перевод с английского А.А. Соколова
Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Печатается с разрешения NJSB Entertainment,
Inc и литературных агентств The Helen Heller Agency
и The Marsh Agency Ltd.

Баркли, Линвуд.

Б25 Не обещай ничего : [роман] / Линвуд Баркли ;
[перевод с английского А.А. Соколова]. — Москва :
Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Детектив —
самое лучшее).

ISBN 978-5-17-119356-0

Дэвид Харвуд, вернувшись в родной провинциальный городок Промис-Фоллз, узнал, что его кузина Марла тайно воспитывает ребенка, которого однажды утром принесла ей загадочная женщина в белом. Но вскоре выяснилось, что этот малыш – сын убитой в своем же доме Розмари Гейнор. А Марлу, в чью историю про женщину в белом никто не поверил, полиция обвинила в убийстве...

Пытаясь спасти кузину, Дэвид начинает собственное расследование и вскоре понимает, что смерть Розмари и появление загадочной женщины в белом — звенья целой цепи зловещих событий.

Все больше доказательств того, что кто-то решил заставить жителей городка заплатить за грехи и тайны прошлого... кровью.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Linwood Barclay, 2015
© Перевод. А.А. Соколов, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-119356-0

Глава 1

Я ненавижу этот город.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Глава 2

Дэвид

В тот день, когда разверзся ад, я проснулся около пяти утра и лежал в постели, размышляя, что́ в сорок один год привело меня сюда, в дом моего детства.

Да, комната слегка изменилась с тех пор, когда почти двадцать лет назад я отсюда уехал. На голубых в полоску обоях больше не висел плакат с изображением «феррари», и с комода исчезла модель космического корабля «Энтерпрайз», которую я смастерил из набора конструктора, — янтарные капли застывшего клея так и остались на корпусе игрушки. Но комод был все тот же. И обои те же. И односпальная кровать та же самая. Конечно, я постил в доме родителей по несколько раз в году и ночевал в этой комнате. Но вернуться в этот дом совсем? И жить здесь со своим сыном Итаном?

Черт! Что за идиотские обстоятельства?
Как до такого могло дойти?

Не то чтобы я не знал ответа на этот вопрос. Ответ был непростым, но я его знал.

Падение началось пять лет назад, когда умерла моя жена Джан. Печальная история и не из тех, которые хотелось бы без конца пережевывать. Миновало полдесятилетия, и, хочешь не хочешь, многое приходилось выбрасывать из памяти и оставлять в прошлом.

Я привык к положению отца-одиночки. Самостоятельно воспитывал Итана, которому теперь девять лет. Не собираюсь себя героизировать, просто хочу объяснить, как развивались события.

Я решил дать и себе, и Итану шанс начать все с нуля и, бросив работу репортера в «Промис-Фоллс-Стандард» — поступок не потребовал особенных усилий, поскольку руководство газеты не проявляло ни малейшего интереса к серьезному освещению новостей, — устроился в редакцию «Бостон глоб». Мне предложили больше денег, и для Итана в Бостоне была масса возможностей: детский музей, аквариум, исторический музей «Фэнл-холл» на рыночной площади, бейсбольная команда «Красные носки», хоккейная команда «Бостонские мишки». Может быть, для мальчика и его отца где-нибудь и есть место лучше этого, но мне такое неизвестно. Однако...

Всегда существует какое-нибудь «однако».

Как редактор я был занят главным образом по вечерам, после того как репортеры сдавали свои материалы. Мог проводить Итана в школу и, по-

скольку до трех или четырех дня мое присут-

4 ствие в газете не требовалось, иногда заез-

жал за ним, чтобы вместе пообедать. Но это означало, что по вечерам мне ужинать с сыном не удавалось. Я не мог проследить, чтобы Итан уделял больше времени урокам, а не видеоиграм. Отогнать от экрана, чтобы не смотрел бесконечные серии «Утиной династии», ролики про пустоголовых жен таких же пустоголовых спортсменов и все, что преподносят торжествующая американская невеженность и презренное американское излишество. Но больше всего тревожило, что меня попросту не бывало дома, потому что отцовство в том, что, когда нужен ребенку, ты всегда рядом, а не на работе.

С кем было Итану поделиться, если он запал на какую-нибудь девчонку — в девять лет, конечно, вряд ли такое могло случиться, но кто знает? — или в восемь вечера потребовалось посоветоваться, как разобраться с обидчиком? Спрашивать миссис Танаку? Милейшую женщину — никто не спорит, — которая после смерти мужа зарабатывала себе на жизнь тем, что пять вечеров в неделю присматривала за моим парнем. Но миссис Танака — плохой советчик, если речь заходит о математике. Она не подпрыгивает с Итаном от восторга, если «Мишки» в дополнительное время выходят вперед. И ее очень трудно убедить взять пульт и погонять машинку, пытаясь заработать виртуальный Гран-при в одной из его видеоигр.

Когда я устало переступаю порог — обычно это случается между одиннадцатью часами вечера и полночью и, заметьте, после того, как газета отправлена в печать, я никуда не захо-

жу выпить, потому что знаю, что миссис Танака спешит домой, — Итан, как правило, спит. Приходится бороться с желанием его разбудить, спросить, как прошел день, что он ел на ужин, не возникло ли трудностей с домашним заданием и что смотрел по телевизору.

Сколько раз я валился в постель с ноющей душой! Говорил себе, что я плохой отец. В который раз задавал вопрос: не совершил ли глупость, покинув Промис-Фоллс? Да, «Глоб» — газета лучше, чем «Стандард». Но мой дополнительный заработок частично оседал на счету миссис Танаки, а остальное съедала высокая ежемесячная арендная плата.

Родители предлагали переехать в Бостон, чтобы помогать мне, но я этого не хотел. Моему отцу Дону перевалило за семьдесят, мать Арлин была всего на пару лет моложе его. Я не собирался срывать их с места, особенно после того, как отец недавно, напугав нас всех, перенес легкий инфаркт. С тех пор он успел оправиться, восстановил силы, принимает лекарства, но переезд ему совершенно ни к чему. Может, когда-нибудь они переедут в специальный дом для престарелых в Промис-Фоллс, если станут не в силах заботиться о теперешнем, слишком большом для них жилище. Но не в большой город за двести миль, куда добираться не меньше трех часов, если на дороге сильное движение.

Поэтому, узнав, что «Стандард» требуется репортер, я зажал в кулак гордость и позвонил.

Когда я говорил главному редактору, что хочу вернуться, ощущение было таким, будто
я объелся чипсами.

Удивительно, что вакансия вообще была. По мере того как прибыль уменьшалась, «Стандард», как все газеты, урезала, где возможно. Если человек уходил, на его место никого не брали. Дошло до того, что редакция «Стандард» сократилась до полудюжины сотрудников, куда входили и репортеры, и редакторы, и фотографы. (Теперь многие репортеры работали «на два фронта» — и писали, и снимали. Хотя на самом деле не на два, а на много фронтов, поскольку им приходилось формировать подкаст, общаться в Твиттере, заниматься сетевым изданием и многим другим. Недалеко то время, когда придется разносить газету по домам тем немногочисленным подписчикам, которые еще хотят читать новости в традиционном бумажном виде.) Два человека ушли из редакции на одной неделе, и оба решили испытать себя на поприще, никак не связанном с журналистикой. Один окунулся в сферу связей с общественностью — оказался на «темной стороне», как я некогда об этом думал. Другой подался в помощники к ветеринару. Газета лишилась возможности освещать городские события пусть даже так плохо, как обычно (недаром же ее прозвали «Некондицией»).

Я понимал, что возвращаюсь в паршивое место. Настоящей журналистикой в этой редакции не пахло. Требовалось просто заполнять пространство между рекламой. И хорошо, если реклама продолжит поступать. Я буду строчить материалы и переписывать пресс-релизы со скоростью, на которую способны мои бегающие по клавиатуре пальцы.

Привлекало то, что работа в «Стандард» в основном дневная. Я получу возможность проводить больше времени с Итаном, а если придется задерживаться, за сыном присмотрят его безмерно любящие бабушка с дедушкой.

Главный редактор «Стандард» предложил мне работу. Я подал в «Глоб» заявление об уходе и, оповестив об отъезде хозяина жилья, двинулся в путь назад, к истокам. В Промис-Фоллс остановился у родителей, но считал их дом всего лишь временным пристанищем. Теперь стояла задача найти дом для нас с Итаном. В Бостоне я мог осилить только съемную квартиру. Здесь, поскольку арендная плата стремительно падала, рассчитывал на настоящий дом.

Но в час пятнадцать в понедельник, в первый день моей работы в «Стандард», все полетело в тар-тарары.

Я возвратился после интервью с людьми, которые требовали устроить на загруженной улице пешеходный переход, пока кто-нибудь из их детей не попал под машину, когда в редакционную комнату вошла издатель Мадлин Плимптон.

— У меня объявление, — заявила она, при этом слова застревали у нее в горле. — Завтра наше издание не выйдет.

Это показалось странным, так как следующий день не был праздничным.

— И послезавтра тоже, — продолжала Плимптон. — С чувством глубокой печали сообщаю, что «Стандард» закрывается.

Она говорила что-то еще. О рентабельности
8 и последствиях ее отсутствия. О сокраще-

нии объема рекламы, особенно тематической, о снижении доли на рынке бумажных изданий, о сужении читательского круга. О невозможности выработать жизнеспособную бизнес-модель.

Наплела еще кучу всякого дерьма.

Кое-кто из сотрудников расплакался. По щеке Плимpton тоже скатилась слеза, которая, придется принять на веру, была, возможно, искренней.

Я не разревелся — слишком разозлился. Ушел из «Глоб», отказался от приличной, хорошо оплачиваемой работы, чтобы вернуться сюда. И вот тебе на! Проходя мимо оторопевшего главного редактора, того самого, кто принял меня в редакцию, бросил:

— Хорошо быть в кругу посвященных.

Оказавшись на тротуаре, я тут же достал мобильник и позвонил моему бывшему главному редактору в «Глоб».

— Мое место еще не занято? Можно, я вернусь?

— Мы решили его не занимать, Дэвид, — ответил тот. — Извини.

Так я оказался жильцом у своих родителей.

Ни жены.

Ни работы. Ни перспектив.

Неудачник.

Семь часов — пора вставать, наскоро принять душ, разбудить Итана и подготовить к школе.

Я открыл дверь в его комнату — раньше здесь занималась шитьем мама, но перед нашим приездом убрала свои вещи.

— Эй, парень, пора вставать!

Итан не пошевелился. Он весь закутался в одеяло, наружу торчали лишь спутанные на макушке светлые волосы.

— Подъем! Ну-ка, живо!

Сын пошевелился и сдвинул покрывало ровно настолько, чтобы взглянуть на меня.

— Я плохо себя чувствую, — прошептал он. — Думаю, что не смогу пойти в школу.

Я приблизился к кровати, наклонился и потрогал его лоб.

— Не горячий.

— Что-то с желудком.

— Как третьего дня? — Итан кивнул. — Но тогда оказалось, что с тобой все в порядке, — напомнил я.

— Сейчас, кажется, по-другому. — Он тихонько застонал.

— Встань, оденься, тогда посмотрим, как ты будешь себя ощущать. — В последнюю пару недель это стало обычным делом: нездоровилось ему только по будням, а в выходные он свободно мог умять четыре хот-дога за десять минут и был энергичнее всех остальных в доме, вместе взятых. Итан просто не хотел идти в школу, и я до сих пор не сумел у него выведать почему.

Мои родители свято верят: задержаться в постели после пяти тридцати утра — значит проспять все на свете. Пока я лежал, глядя в темный потолок, слышал, как они встают. И теперь, когда вошел на кухню, родители еще находились там, к тому времени оба позавтракали, и отец, приканчи-

10 вая четвертую чашку кофе, пытался разо-

браться с планшетом, который ему купила мать, когда по утрам перестали приносить к их дверям «Стандард».

Он колотил по экрану указательным пальцем с такой силой, что мог свободно выбить устройство из корпуса.

— Ради бога, Дон, — увещевала мать. — Твоя задача не в том, чтобы расшибить экран. Надо нажимать аккуратно.

— Ненавижу эту штуковину, — отозвался отец. — Все вертится, крутится.

Увидев меня, мать заговорила самым веселым тоном, который включала, когда дела шли не очень гладко:

— Привет. Нормально спал?

— Прекрасно, — солгал я.

— Я только что заварила свежий кофе. Выпьешь чашечку?

— Не прочь.

— Дэвид, я тебе говорила о той девушке — кассирше из аптеки «Уолгрин»? Как же ее зовут? Ладно, потом вспомню. Такая маленькая, хорошенькая. Недавно разошлась с мужем.

— Мама, пожалуйста, не начинай.

Она постоянно приглядывалась к соседкам — пыталась кого-нибудь мне подыскать. И любила повторять: «Пора обустроить жизнь. Итану нужна мать». То и дело напоминала: «Довольно, погоревал, и будет».

А я не горевал.

За последние пять лет встречался с шестью разными женщинами. С одной из них

спал. Так-то вот. Уход Джан и обстоятельства ее смерти превратили меня в противника устойчивых отношений. Маме следовало бы это понять.

— Я только хотела сказать, — не унималась она, — что эта девушка не отказалась бы, если бы ты пригласил ее на свидание. Давай сходим вместе в аптеку, я тебе ее покажу.

— Ради бога, Арлин, оставь его в покое! — возмутился отец. — Ты подумай: твой сын безработный и с ребенком. Не больно перспективный кадр.

— Рад, что ты на моей стороне, папа, — кивнул я.

Он поморщился и снова принялся тыкать пальцем в планшет.

— Можешь мне поведать, какого дьявола нам не приносят настоящую, будь она проклята, газету? Ведь есть же люди, которым нравится читать то, что написано на бумаге!

— Они все старики, — заметила мать.

— У стариков тоже есть право знакомиться с новостями, — буркнул отец.

Открыв холодильник, я копался внутри, пока не наткнулся на любимый йогурт Итана и банку с клубничным джемом. Поставил их на стол и принес из шкафа кукурузные хлопья.

— Больше не могут зарабатывать деньги, — объясняла отцу мать. — Вся реклама и объявления отпавились на Крейглист и Кижжижи*. Я правильно говорю, Дэвид?

* Сайты электронных объявлений, пользующиеся популярностью у американских пользователей Интернета. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Мм... — протянул я, насыпая в мисочку «Чери-оуз», потому что ждал, что Итан вот-вот спустится. Молоко решил налить, когда он появится на кухне, и подсластить двумя ложками клубничного йогурта. А пока опустил в тостер два ломтика белого хлеба «Уандербред» — единственный сорт, который покупают мои родители.

— Я только что заварила свежий кофе. Хочешь чашечку? — спросила мать.

Отец поднял голову.

— Ты меня только что спрашивала, — напомнил я.

— Ничего подобного, — отрезал отец.

Я повернулся к нему:

— Пять секунд назад.

— В таком случае, — в его голосе появилась желчь, — тебе следовало сразу ответить, чтобы ей не пришлось задавать вопрос во второй раз.

Прежде чем я сумел что-либо сказать, мать отшутилась:

— Я бы и голову свою где-нибудь позабыла, если бы она легко снималась.

— Неправда! — возразил отец.

— Но ведь это я потеряла твой чертов бумажник. И пришлось потратить уйму времени, чтобы восстановить все, что в нем лежало. — Мать налила кофе и с улыбкой подала мне.

— Спасибо, мама. — Я чмокнул ее в сморщенную щеку, а отец возобновил сражение с планшетом.

— Я хотела спросить, у тебя сегодня на утро ничего нет?

— А что? Что-нибудь намечается?

— Просто решила узнать, нет ли каких-нибудь собеседований насчет работы, чтобы не помешать.

— Мама, давай колись, что у тебя на уме?

— Я не собираюсь навязываться, если только ты совершенно свободен...

— Да рожай же наконец!

— Не разговаривай так с матерью! — возмутился отец.

— Я сама бы все сделала, но если ты все равно будешь в городе... Мне надо кое-что передать Марле.

Марла Пикенс — моя кузина, младше меня на десять лет. Дочь Агнессы, сестры моей матери.

— Конечно, передам.

— Я приготовила чили, и получилось много лишнего. Я все заморозила и, поскольку знаю, что Марла любит мое чили, расфасовала по порционным коробочкам. И добавила кое-что еще — полуфабрикаты от «Стоуфферс». Еда, конечно, не такая вкусная, как домашняя, но все равно. Думаю, девочка плохо питается. Не мне осуждать, но у меня такое ощущение, что Агнесса к ней редко заглядывает. К тому же будет лучше, если навестишь ее ты, а то все мы да мы — старики. Ты ей всегда нравился.

— Хорошо.

— С тех пор как случилась та история с ребенком, она не совсем в порядке.

— Знаю. Все сделаю. — Я открыл холодильник. — У тебя есть вода в бутылках, подать

14 Итану на завтрак?

— Ха! — возмущенно фыркнул отец. Можно было предвидеть его реакцию и не соваться со своими вопросами. — Вода в бутылках — самое большое в мире жульничество. Вполне подходит и та, что течет из крана. Наша водопроводная в полном порядке, уж я-то это знаю точно. За воду в бутылках платят одни простофили. Еще немного, и вас заставят покупать воздух. Помнишь время, когда не платили за телевидение? Ставишь антенну и смотришь за так. А теперь изволь раскошеливаться за кабельное. Это такой способ наживы: заставлять людей выкладывать денежки за то, чем они раньше пользовались даром.

Мать пропустила ворчание отца мимо ушей.

— Марла слишком много времени проводит дома одна, ей надо почаще выходить, отвлекать мысли от того, что случилось с...

— Мама, я же сказал, что все сделаю.

— Я хочу сказать, — в ее голосе впервые появились резкие нотки, — что нам всем нужно напрячься и постараться ей помочь.

— Прошло десять месяцев, Арлин, — буркнул отец, не отрывая глаз от экрана. — Пора приходить в себя.

— Будто это так просто, Дон, — вздохнула мать. — Переступила и пошла дальше. У тебя на все один рецепт: проехали.

— Если хочешь знать мое мнение — у нее не все ладно с головой. — Отец поднял на нее взгляд. — Кофе еще остался?

— Я только что сказала, что заварила целый кофейник. Кто же из вас не слушает? —